

Тѣни прошлаго.

(По документамъ).

Когда слышишь о настоящихъ ужасахъ аграрныхъ беспорядковъ, когда безумная толпа крестьянъ уничтожаетъ все, не разбирая праваго и виноватаго, невольно вспоминаешь о томъ прошломъ, когда эта же толпа, въ лицѣ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, была подъ ярмомъ крѣпостного права. Чего только не приходилось переносить отъ жестокости, самодурства, развращенныхъ инстинктовъ помѣщиковъ. Немногіе оставили по себѣ добрую память. Стоитъ только заглянуть въ какой-либо изъ архивовъ, и возстанутъ жалкія тѣни позорнаго прошлаго.

Истязанія невинныхъ людей, попраніе человѣческаго достоинства, униженія, всего было вдоволь. Не только изъ устъ болтливой старушки слышишь объ этихъ ужасахъ, о нихъ читаешь въ официальныхъ бумагахъ. Въ Новгородской губерніи особенно много дѣлъ о помѣщикахъ и дворовыхъ было въ 30-хъ годахъ, при губернаторѣ Денферѣ, который, чуть только доходило до него извѣстіе о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ, возбуждалъ слѣдствіе и всегда старался добиться справедливаго, гуманнаго обращенія съ дворовыми. Несмотря на его старанія, онъ рѣдко добивался цѣли.

Такъ въ 1834 г. также было возбуждено имъ подобное дѣло.

Въ Новгородскомъ уѣздѣ жилъ въ своей усадьбѣ Карпинъ помѣщикъ Александръ Васильевичъ Литвиновъ. Онъ уже 15 лѣтъ нигдѣ не служилъ и, вѣроятно, отъ бездѣлья придумывалъ самыя

разнообразные способы истязаній для своихъ крестьянъ и доводилъ ихъ до того, что они рѣшались бѣжать отъ владѣльца и дѣлали это неоднократно.

Въ сентябрѣ 1839 года пять человекъ дворовыхъ были пойманы въ Москвѣ и, какъ бѣглецы, арестованы при Пречистенской части. При допросѣ они рассказали всю свою ужасную жизнь у помѣщика. Чего только здѣсь не было?

Литвиновъ былъ вспыльчивъ до крайности. Въ припадкахъ гнѣва онъ билъ дворовыхъ нагайкою и палками и, не довольствуясь этимъ, заставлялъ просиживать по 2—3 часа на снѣгу въ самую холодную погоду, спустивъ нижнее платье, и тереть при этомъ лицо снѣгомъ до крови. За малѣйшую провинность ставилъ на нѣсколько часовъ голыми колѣнами на крупный песокъ, приказывалъ ползать по толченому кирпичу на голыхъ же колѣнахъ, или растирать ими камень.

Однажды одинъ изъ бѣжавшихъ осмѣлился сказать на глазахъ барина нѣсколько словъ своей женѣ и за это былъ поставленъ класть земные поклоны нѣсколько часовъ сряду, до полного изнеможенія. Обыкновеннымъ наказаніемъ считалось обливаніе холодною водою.

На барскую работу крестьяне должны были являться ежедневно. Приказчикъ, по приказанію барина, или по собственной ретивости, вырывалъ у нихъ на головахъ волосы. Дворовой Филиппъ Владиміровъ былъ закованъ въ кандалы въ теченіе семи мѣсяцевъ, ноги несчастнаго были стерты и зіяли ранами; его выгоняли на работу, не снимая кандаловъ.

Издѣвательства надъ женщинами и дѣвушками были отвратительны. Это были положительно твари безсловесныя, покорныя волѣ владѣльца. Когда онѣ впадали въ немилость, ихъ заставляли „ѣсть навозъ, пить мочу, тереть снѣгомъ дѣтородныя части“¹⁾.

При всемъ этомъ дворовые были лишены порядочной пищи: мясную они видѣли только иногда, обыкновенно, имъ давался хлѣбъ, и то въ маломъ количествѣ, и овсяная каша.

Въ домашней жизни Литвиновъ доводилъ людей до нищеты. Хлѣбъ по обмолотѣ складывался въ особый амбаръ, покосы отбирались.

Такъ описывали дворовые свою жизнь у Литвинова. Казалось, дѣло должно бы кончиться не въ пользу помѣщика, но вышло совершенно обратное. Бѣглыхъ перевели въ острогъ, а въ перспективѣ

¹⁾ Горничную Авдотью Феклястову.

была Сибирь и каторга. Продержавъ пойманныхъ нѣкоторое время подь арестомъ, сняли второй допросъ. На этомъ допросѣ арестованные, участь которыхъ была еще въ рукахъ хозяина, всячески старались смягчить первое показаніе; но работу въ кандалахъ, при всемъ стараніи, нельзя было скрыть, равно нельзя было отрицать и общеизвѣстнаго обычая Литвинова бить по щекамъ, „когда разсердится, вспылить“, а это случалось очень часто.

Потомъ допрошенныхъ привели къ барину. Было два исхода: или Сибирь, или помилованіе помѣщика. Крестьяне, ползая на колѣняхъ у ногъ Литвинова, просили прощенія, и въ результатѣ ему дано было право наказывать, при содѣйствіи земской полиціи, виновныхъ въ побѣгѣ, „чтобъ другимъ не повадно было“. Такъ гласить конецъ дѣла. По отношенію къ Литвинову начальство ограничилось тѣмъ, что имѣло яко-бы негласный надъ нимъ надзоръ.

Небезынтересно дѣло о бѣглыхъ крестьянахъ крестецкаго помѣщика Мусина-Пушкина, который также обращался со своими крепостными безчеловѣчно. Когда онъ бывалъ пьянъ, т. е. почти всегда, онъ дрался немилосердно, поролъ розгами, стригъ волосы. Провизія давалась гнилая, хлѣбъ выпекался изъ непросѣянной овсяной муки съ небольшою примѣсью ржаной. Недостаточное питаніе расшатывало организмы.

Одной изъ любимыхъ забавъ М.-Пушкина было растлѣніе 12—13 лѣтнихъ дѣвочекъ, которыхъ онъ выдавалъ замужъ за своихъ же дворовыхъ, не разбирая возраста. Часто жениху 14 лѣтней невѣсты бывало столько же, или, рядомъ съ невѣстой-ребенкомъ, ставился чуть не старецъ. Такое поведеніе помѣщика не было тайною ни для кого.

Крестецкій уѣздный предводитель дворянства, кн. Ухтомскій, официально отзывался о Мусинѣ-Пушкинѣ такъ: „По семейственному разстройству, какъ съ женою своею, такъ равно и съ ближними родственниками своими, потерялъ совершенно твердость духа, опустилъ правленіе вотчины своей, хозяйственное распоряженіе дома съ дворовыми людьми, отчего произошли отъ стѣсненія управляющихъ неудовольствіе и даже жалобы правительству крестьянъ“.

Въ 1826 году изъ вотчины его бѣжало 8 человекъ, изъ нихъ 5 мужчинъ и три женщины. Дойдя до Валдая, они нашли еще одного изъ своихъ дворовыхъ и всѣ вмѣстѣ, на пути къ Зимогорью, зашли въ питейный домъ около кузницъ. Тамъ они встрѣтили неизвѣстнаго человека, одѣтаго въ русское платье, разговорились съ нимъ, и тотъ предложилъ написать прошеніе Государю Николаю Павловичу, проѣздъ котораго изъ Петербурга въ Москву

ожидался на-дняхъ. Крестьяне согласились, поставили полштофъ водки, уплатили 50 коп. серебромъ, и прошеніе было готово. Подать его рѣшено было въ Вышнемъ Волочкѣ. Вотъ подлинный текстъ этого прошенія ¹⁾:

„Все Августѣйшій Монархъ Ваше Императорское Величество...

„Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій Великій Государь Императоръ Николай Павловичъ Самодержецъ всероссійскій Государь Всемило- стивый просятъ Новгородской губерніи Крестѣцкаго уѣзда усадьбы Перетна помещика коллежскаго Ассесора Алексѣя Федоровича Му- сина Пушкина крестьянѣ Петръ Макаровъ и михѣй Ильинъ Кузма Васильевъ Иванъ Ивановъ Прокофѣй Ивановъ и женскаго полу Маланья Иванова и Устинья Иванова Прасковья Ильина. А о чемъ наше прошеніе тому слѣдуютъ пункты:

1-е Такъ какъ мы отлучившись отъ двора господина своего Пушкина За разные Его кнамъ несносныя обиды 1-е что намъ отъ его Господина Своего тяжчайшіе работы, такъ какъ онъ имѣетъ насъ немалое количество какъ мужскаго такъ и женскаго полу. Такъ какъ не имѣемъ мы отъ него никакого пропитанія ни одѣжды а работы несносныя, а иногда придется сработы то чинить намъ несносныя побои ежедневно такъ что едва изъ насъ которой можетъ и жизнь свою продлить далеѣ. Еще же уже отлучившись по его несноснымъ побоямъ и по содержанію насъ какъ дворовыхъ такъ и протчихъ мужска и женскаго полу не менѣе сорока чело- вѣкъ то и просимъ Вашего Императорскаго Величества Всемило- стивѣйшаго Государя Отца и Покровителя всея вселенныя насъ на законномъ основаніи защитить отъ сего Господина Пушкина. Еще же какъ перваго изъ насъ просителя Петра Макарова жена моя Маланья Иванова отъ него Господина Пушкина избита что и по днесъ имѣетъ она на лице своемъ подглазомъ черныя багроватыя пятна. Итакъ что тѣперь я не гораздно глазами вижу и имѣю я вголовѣ великую глухость но и теперя мы находимся вразныхъ обстоятельствахъ и теперя не имѣемъ кремѣ Васъ Ваше Величе- ство никого Покровителя но не такъ что мы одне оны проситѣли но изволитѣ кому слѣдуетъ зделать на законномъ основаніе псле- дованія и спросить всехъ крестьянѣ нашего помещика естлиже окажется что мы одне проситѣли но и все купно будутъ утру- ждаты главное начальство но теперя у насъ во дворѣ Господина Нашего много даже врозаткахъ и вразныхъ на ногахъ, а такъ какъ мы не лишны что нонича сего 1826-го года неупомнимъ какого.

¹⁾ Ореографія подлинника.

числа изданы указы чтобы никоего челоуѣка ни содержать ни под-какимъ арестомъ но онъ содержитъ насъ потстрогимъ арестомъ какъ насъ дворовыхъ такъ и крестьянъ мучаетъ бесчадно, но даже и работать посылаетъ врозаткахъ, Но теперя такъ сказать, что онъ помѣщикъ Пушкинъ нездѣлалъ ни одному крестьянину во всю свою жизнь никакой легости кромѣ несноснаго зла и дабы Высочайшимъ указомъ Вашего Императорскаго Величества видѣвъ насъ вбедныхъ обстоятельствахъ защититѣ отъ сей нашей несносной жизни а буде мы окажемся виновны противу сего нашего прошения то подвержены мы Вашего Императорскаго Величества строгому сужденію естли-же означенной помещикъ нашъ окажется предъ вами либо чемъ то поступить снимъ по законамъ. А мы къ господину Своему Пушкину служить не намѣрены, а согласны итѣтѣ въ военную службу а по негодности изъ насъ кого-либо— то желаемъ куда угодно вамъ насъ определить. Просимъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго государя отца и покровителя Ваше Императорское Величество примитѣ отъ насъ бедное наше прошеніе изделайте намъ законное съ помѣщикомъ Пушкинымъ удовольствореніе. г. 1826-го“.

Взявъ прошеніе, крестьяне отправились въ Ямъ Едрово, но дальше имъ не суждено было идти; ихъ задержали жандармы и представили въ Земскій Судъ. Прошеніе было отнято и отослано для объясненія Мусину-Пушкину. На первомъ допросѣ бѣглецы подтверждали истину того, что написано было въ прошеніи. Стороной наводились официальные справки о жизни и поведеніи М.-Пушкина; предводитель дворянства сдѣлалъ ему внушеніе, что слѣдуетъ лучше обращаться съ людьми. Послѣ этого рядъ начальствующихъ лицъ, какъ-то: земскіе судьи, исправникъ, стряпчіе, ближайшіе сосѣди показывали, что яко-бы М.-Пушкинъ исправился, обращеніе его съ дворовыми стало лучше и сами, будто-бы, дворовые довольны своимъ господиномъ. Интересно то, что показанія земскаго судьи, исправника, уѣзднаго предводителя и сосѣдей составлены какъ-бы по одному шаблону и подъ одинаковыми почти словами стоятъ только разныя подписи. Показанія дворовыхъ представляютъ около 30-ти записокъ, написанныхъ одною рукою, съ однимъ содержаніемъ и разнятся также лишь только подписями, т. е. въ большинствѣ, крестами, по безграмотству ихъ замѣняющими. Если вѣрить запискамъ, то владѣлецъ былъ примѣрнымъ челоуѣкомъ, а бѣглецы, наоборотъ, оказались людьми „характера вздорнаго и буйнаго“. Въ концѣ концовъ Мусинъ-Пушкинъ былъ оставленъ полновластнымъ хозяиномъ своего имѣнія и людей, и, предполагавшееся вначалѣ, учрежденіе надъ нимъ опеки не состоялось. Доку-

ментально онъ былъ правъ, но о звѣрствахъ его, упоминаемыхъ въ дѣлахъ, еще до сихъ поръ передаются изъ устъ въ уста рассказы мѣстныхъ жителей.

Слѣдствіемъ жестокаго обращенія помѣщиковъ было то, что дворовые всегда старались бѣжать, и архивныя описи эпохи крѣпостнаго права изобилуютъ дѣлами о бѣглыхъ, оффиціальныя Губернскія Вѣдомости наполнены списками пойманныхъ бѣглыхъ, съ подробными описаніями ихъ личности и вида и „особыхъ примѣтъ“ благороднаго обращенія своихъ господъ, въ видѣ вывиховъ, шрамовъ на лицѣ, спинѣ, изборожденныхъ рубцами плетей и розогъ, и т. п.

Въ жестокомъ обращеніи часто совнавались сами помѣщики, какъ напр. устюжскій помѣщикъ, поручикъ Ахматовъ, во время слѣдствія надъ нимъ Палаты Уголовнаго Суда, не опровергалъ показаній своихъ бѣглыхъ, что онъ бьетъ ихъ зачастую безъ вины, бьетъ привязанными и т. д.

Бѣгство преслѣдовалось закономъ очень строго. Наказывались не только сами бѣглецы, но и тѣ, которые почему бы то ни было давали имъ пріютъ, хотя кратковременный, и пищу. Такъ, когда въ 1825 году отъ Ахматова бѣжало трое дворовыхъ, изъ нихъ двое съ женами, одна изъ женщинъ, Марія Богданова, живя работницей у дьячка Черенскаго погоста Степана Степанова, родила дочь, подкинула ее своему хозяину и тайно ушла отъ него. Дьячекъ, продержавъ малютку нѣкоторое время у себя, отправилъ ее въ Сиропитальный домъ. Черезъ два года всѣ бѣглецы были пойманы, водворены на прежнее мѣстожителство, наказаніе ихъ было предоставлено владѣльцу, а тѣ, которые, по слѣдствію, держали у себя бѣглыхъ, были наказаны батогами и плетью. Иные получили отъ 25 до 30 ударовъ „при собраніи народа“, иные были посажены въ тюрьму на срокъ отъ 3-хъ до 10-ти дней, на хлѣбъ и на воду, а наказаніе причта Черенскаго погоста было предоставлено усмотрѣнію консисторіи. Что сдѣлала послѣдняя, по дѣлу не видно, но обыкновенно за такіе проступки виновные или предавались церковному покаянію или высылались въ болѣе глухія мѣста.

Все это не помѣшало, однако, Устюжскому Предводителю собрать объ Ахматовѣ отъ окрестныхъ крестьянъ и помѣщиковъ такія свѣдѣнія, по которымъ оказалось, что онъ ведетъ себя прилично благородному званію.

Какъ и во всѣхъ дѣлахъ подобнаго рода, черное сначала оказывалось подъ конецъ бѣлымъ. Странно, между прочимъ, то, что тѣ крѣпостныя дѣвушки, которыя хотя бы на короткое время попадали

въ милость къ барину, точно старались вымѣщать свой позоръ на своихъ же близкихъ. Онѣ сами придумывали ужаснѣйшія истязанія и, ослѣпленный минутными вспышками страсти, баринъ дѣлался только послушнымъ орудіемъ въ рукахъ подобныхъ „управительницъ“. Настасья Минкина, извѣстная управительница графа Аракчеева, терзавшая дворовыхъ, не была единственной личностью въ этомъ отношеніи. Подобныя ей встрѣчались часто. Тотъ же поручикъ Ахматовъ мучилъ своихъ дворовыхъ „по наговору управительницы крестьянской дѣвки Анны Алексѣевой“.

Быть можетъ, онѣ подражали своимъ барынямъ-помѣщицамъ, которыя въ жестокости не уступали мужчинамъ.

Въ 30-хъ годахъ въ Новгородскомъ уѣздѣ владѣла многими деревнями маіорша Пелагея Ксенофонтьевна Абрютинна. Она находилась въ постоянной враждѣ со своими крѣпостными и безпрестанно жаловалась на неповиновеніе крестьянъ, которые спасались отъ нея бѣгствомъ.

Въ іюнь 1830 года Абрютинна подала жалобу въ земскій судъ и, какъ всегда, обвиняла крестьянъ въ неповиновеніи, говоря, что они бѣжали изъ вотчины самовольно. Земскимъ судомъ были приняты мѣры къ поимкѣ бѣглецовъ, и задержанные 10 человекъ объяснили, что они не думали бѣжать, но шли только въ городъ къ высшему начальству, чтобы пожаловаться на маіоршу, которая изнуряетъ ихъ своей работой, такъ какъ управляющій имѣніемъ ежедневно выгоняетъ ихъ на работу, „отчего они, не имѣя времени обрабатывать своей пашни, не могутъ достать на пропитаніе хлѣба и испрашиваютъ у сосѣдей Христовымъ именемъ и, сверхъ того, съ самаго начала Петрова поста приказано имъ отдавать вечерній удои молока“. Когда дѣло это дошло до свѣдѣнія уѣзднаго предводителя дворянства Тыркова, онъ предложилъ земскому суду „имѣть неослабный надзоръ, какъ за поступками крестьянъ въ отношеніи обязанности ихъ къ помѣщику, такъ и обращенія самихъ помѣщиковъ со своими крестьянами...“, а г-жу Абрютинну убѣждалъ письмомъ, что сдѣлавъ внушеніе крестьянамъ, онъ проситъ и ее обращаться гуманно, не давая повода къ безпорядкамъ, ставить на барщину только три дня въ недѣлю, а праздники давать для отдыха. Одновременно онъ сообщилъ о своемъ рѣшеніи губернскому предводителю и губернатору Денферу. Все повидимому, успокоилось. Но вдругъ получился запросъ отъ генер.-ад. Бенкендорфа, по поводу жалобы крестьянъ Абрютинной Государю Императору.

Тогда уѣздный судья Поповцевъ лично отправился въ имѣніе Абрютинной. Маіоръ Абрютинъ былъ боленъ, а маіорша волновалась, жаловалась на крестьянъ, обуреваемыхъ „мятежнымъ духомъ“,

жаловалась и на мѣстнаго священника Смѣлкова и даже на чиновниковъ земскаго суда, обвиняя ихъ въ подстрекательствѣ. На убѣжденія уѣзднаго судьи обращаться кротко и человѣколюбиво, она, повидимому, соглашалась, обѣщаясь даже не наказывать бѣглецовъ за исключеніемъ одного, котораго просила сослать въ Сибирь.

Обо всемъ этомъ Поповцевъ донесъ Александру Христофоровичу Бенкендорфу, увѣряя его въ своемъ неослабномъ наблюденіи и бдительности за враждующими сторонами, не забывъ, однако, оговориться, что чиновники земскаго суда не причастны къ возмущенію, а виноваты другіе „неблагодѣтели, возмущающіе бывшихъ до сего кроткими и покорливыми крестьянъ“. Заканчиваетъ онъ свое почтительное донесеніе такъ:

„Есмь съ глубочайшимъ моимъ высокопочитаніемъ и совершеннѣйшею преданностію Вашего Высокопревосходительства Милостивѣйшаго Государа всепокорнѣйшій слуга Яковъ Поповцевъ, исправляющій должность Дворянскаго Предводителя Уѣзднаго Судьи, капитанъ и кавалеръ“.

Не успѣлъ вступить въ должность, послѣ болѣзни, Уѣздный Предводитель, какъ уже получилъ новую жалобу Абрютиной и послалъ на разслѣдованіе исправника.

Между тѣмъ, дворовые до такой степени ожесточились, что не стали подписывать взятыхъ съ нихъ допросовъ и отказались повиниться исправнику. Тогда отправился удостовѣриться на мѣстѣ „самъ предводитель и вотъ какъ онъ описываетъ свою поѣздку въ донесеніи Губернскому Предводителю: „при посредничествѣ его же г. исправника и виновныхъ взять подъ стражу, и хотя справедливыми доказательствами убѣдилъ спрошенныхъ крестьянъ къ подписанію взятыхъ отъ нихъ допросовъ, но при тѣхъ же справедливыхъ убѣжденіяхъ никакъ не могъ взять виновныхъ подъ карауль, ибо толпа крестьянъ въ числѣ 41 чел. съ буйнымъ крикомъ бросилась на понятыхъ и взяла обратно виновниковъ возмущенія, объявивъ съ неистовствомъ, что четырехъ человѣкъ отправлять къ суду не дадутъ, а идутъ всѣ въ Новгородъ“.

Видя столь сильное сопротивленіе, я въ то же время снова убѣждалъ бунтующихъ не упорствовать, вразумляя, что дѣлаютъ они противузаконно, однакожъ они, не внимая словамъ моимъ, пошли въ домъ одного изъ своихъ сообщниковъ и на приказаніе мое разойтись по крайней мѣрѣ по домамъ своимъ отозвались, что разойдутся тогда, когда захотятъ, а не теперь“.

Тогда предводитель рѣшилъ водворить спокойствіе при помощи воинской силы, а виновныхъ предать уже военному суду. Но такъ какъ взять ихъ подъ стражу открыто было опасно, то онъ наду-

малъ взять непокорныхъ хитростью: „На сей конецъ поручилъ я командированному отъ Новгородскаго Земскаго Суда Дворянскому Засѣдателю Надарову всѣхъ крестьянъ г. Абрютиной, живущихъ въ селѣ Любыняхъ, деревняхъ: Кругахъ, Якшинѣ, Подоклиньѣ и Правдухѣ, выслать въ деревню Княжій Дворъ подь видомъ, что они должны ѣхать въ деревню Сутоки, для исправленія подводной повинности, а между тѣмъ сообщилъ командиру поселеннаго карабинернаго фельдмаршала кн. Барклая-де-Толли, полковнику Старченкову, объ откомандированіи одной роты съ приличнымъ числомъ оберъ-офицеровъ. И вслѣдствіе сего 4-го ноября командирована ко мнѣ воинская команда подь вѣдѣніемъ капитана Перфильева. Когда явился ко мнѣ г. Перфильевъ, я приказалъ ему поставить караулъ у перевоза чрезъ рѣку Шелонь въ деревнѣ Княжемъ Дворѣ, чрезъ который должны переправляться крестьяне, высылаемые въ подводы подь предлогомъ, будто-бы о всѣхъ проѣзжающихъ необходимо знать по карантину, предохраняющему людей отъ существующей болѣзни—холеры, но, напротивъ того, руководила къ сему одна мысль, чтобъ бунтующихъ крестьянъ г. Абрютиной взять подь арестъ, безъ всякаго сопротивленія ихъ“.

Дѣйствительно, 5 ноября стали подьѣзжать къ р. Шелони означенные крестьяне. Каждую подводу у перевоза останавливали и отводили людей въ ранѣе намѣченныя полковникомъ Старченковымъ избы, гдѣ ждалъ уже караулъ. Такимъ образомъ было арестовано 45 человекъ, безъ малѣйшаго упорства съ ихъ стороны. Потомъ они были отправлены въ д. Любынь и размѣщены въ крестьянскихъ избахъ подь карауломъ, а въ вотчинахъ Абрютиной была учреждена экзекуція, заключающаяся въ слѣдующемъ: по всѣмъ избамъ поставили воинскій караулъ, по два человека на каждую. Солдаты должны были слѣдить, чтобы аккуратно исполнялись три дня барщины въ недѣлю. Арестованные также частью были распущены по домамъ для работы подь надзоромъ караула. Продовольствіе караульные получали отъ хозяевъ-крестьянъ за ихъ счетъ. Между тѣмъ работала и Комиссія Военнаго Суда. Наводились справки о поведеніи Абрютиныхъ. Сосѣдніе помѣщики отозвались, что Абрютины—характера беспокойнаго, сварливаго и съ крестьянами обращаются сурово. Уже черезъ два года губернской предводитель Игнатьевъ былъ увѣдомленъ о томъ, что виновные крестьяне, по приговору Военнаго Суда, наказаны плетями и батогами, а мѣстнымъ помѣщикамъ предлагалось „имѣть особое наблюденіе за Абрютиными, дабы не подвергали крестьянъ стѣсненіямъ и изурненіямъ“.

Съ этого времени свѣдѣнія объ Абрютиныхъ теряются. На

неоднократные запросы о нихъ предводителей Земскій Судъ стоически молчалъ и былъ даже оштрафованъ за это на 10 рублей. Только въ 1845 году стало извѣстно, что маіоръ Абрютинъ уже умеръ, а маіорша продала вотчины помѣщикамъ Богдановской и Колонтаровой, у которыхъ крестьяне были спокойны и находились въ должномъ повиновеніи.

З. А. Слезкинская.

